

**ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ ДУГА НЕСТАБИЛЬНОСТИ¹ и
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ в ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ***

В последние десятилетия наметилось существенное повышение роли Восточной Азии (ВА) в мировых делах. Как отмечает один из ведущих российских востоковедов акад. РАН М.Л. Титаренко: «Вектор мировой политики постепенно смещается от евроатлантического направления, безраздельно доминировавшего на международной арене на протяжении ряда веков, в АТР, значение которого в формировании нового миропорядка будет и дальше неуклонно возрастать»². Очевидно желание элит стран ВА играть более весомую роль в региональных делах, однако в настоящее время все более заметным становится противоречие между возросшей экономической ролью региона и его подчиненным положением в сфере безопасности, которое сохранилось со времен холодной войны. Отсюда, с точки зрения Пекина, имеется не только стремление, но и необходимость в целях обеспечения безопасности пересмотреть региональный порядок и повысить свой статус. Создавшееся положение ставит в повестку дня обострение геополитического соперничества между первой и второй экономическими державами мира, что традиционно сопровождается перераспределением сфер влияния. Однако в ВА свои внешнеполитические интересы имеют не только у Вашингтона и Пекина, но и у других влиятельных субъектов геополитики. Каким же образом обеспечивается безопасность в этом важном регионе? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует привести авторитетное экспертное мнение М.Л.Титаренко, который обращает внима-

*Исследование выполнено в рамках гранта НИР СПбГУ «История Азии и Африки в контексте геокультурной парадигмы глобального развития» (Шифр ИАС: 2.38.103.2012). Доклад, представленный на Международной конференции Института востоковедения РАН по вопросам сотрудничества и безопасности в Южно-Китайском море, 18 октября 2013 г.

ние на фундаментальную особенность региональной системы безопасности ВА: «в регионе, где пересекаются интересы таких крупных государств, как США, Китай, Россия, Япония, до сих пор отсутствует комплексный механизм обеспечения стабильности и безопасности»³. Отсутствие такого механизма, по нашему мнению, объясняется антагонистическими противоречиями в сфере региональной безопасности основных субъектов геополитики. Более того, парадоксальность современной ситуации в ВА состоит в том, что, с одной стороны, ряд стран выступают за продолжение военного присутствия США, чтобы сбалансировать усиление Китая в регионе, с другой стороны, они заинтересованы в дальнейшем развитии китайской экономики, чтобы иметь дополнительные рынки для своей продукции в условиях экономического кризиса на Западе, а также в наличии мощной защиты азиатской державы от западного давления. При этом следует помнить, что военное присутствие США сформировалось во времена холодной войны, и это присутствие отражало определенный баланс сил, который сложился в то время. Рост Китая этот баланс уже существенно изменил. Дальнейшее развитие китайской экономики приведет в обозримом будущем к еще большему изменению баланса сил в регионе, который будет иметь далеко идущие экономические и политические последствия, что несовместимо с сохранением американского военного присутствия со всеми вытекающими отсюда последствиями. При этом следует обратить внимание на то, что если после крушения СССР периферийное положение региона в мировой политике позволило малым странам ЮВА направить интеграционные процессы в своих интересах, то сейчас, по мере роста Китая и стремления США сохранить сложившийся в прошлом баланс сил, пространство для маневра стран ЮВА, скорее всего, существенно сузится. Причем, прежде всего, это пространство сузится в сфере безопасности.

Для понимания характера политики США в этом регионе полезно вспомнить сформулированные Збигневом Бжезинским «три великих императива имперской геостратегии»⁴, которые заключаются в «предотвращении сговора между вассалами и поддержании их зависимости в обеспечении безопасности, со-

хранении покорности и защиты подчиненных, а также недопущении объединения варваров»⁵. Следуя этой логике, сама возможность «объединения варваров» под эгидой какой-либо иной державы в Вашингтоне будет трактоваться как угроза национальной безопасности США со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые очевидно будут предусматривать все виды воздействия с опорой на систему двусторонних договоров об обеспечении безопасности, имеющихся с некоторыми странами ВА. Обратим особое внимание на формулировку, данную З. Бжезинским: «maintain security dependence among the vassals», т.е. «поддержание зависимости вассалов в обеспечении безопасности». Иными словами, основная задача в Евразии в целом и ВА в частности состоит в том, чтобы не допустить самостоятельности «варваров» в обеспечении безопасности и всемерно сохранять их зависимость в этой важнейшей сфере. Именно поэтому в регионе нет «комплексного механизма обеспечения безопасности», поскольку он не нужен Вашингтону, как самому влиятельному субъекту глобальной геополитики. Напомним, что в политическом, культурном и религиозном отношении регион ВА весьма разнообразен, что существенно облегчает дело создания разнообразных противовесов, коалиций и союзов для сдерживания «угроз» в виде появления влиятельного геополитического конкурента⁶.

В условиях отсутствия формального комплексного механизма обеспечения региональной безопасности основную роль в этой важной сфере начинают играть роль неформальные, но от этого отнюдь не менее значимые механизмы.

Если систематизировать информацию об основных потенциальных конфликтах в регионе, то станет ясно, что наиболее корректным показателем сложившегося в ВА геополитического баланса сил является **восточноазиатская дуга нестабильности**. Эта дуга нестабильности оказывает исключительно значимое геополитическое воздействие на региональные процессы, и в обозримом будущем это влияние еще более усилится.

Восточноазиатская дуга нестабильности сформировалась в период холодной войны, она зафиксировала и продолжает в

значительной степени сохранять сложившийся еще в то время раздел сфер влияния, несмотря на то, что баланс сил в регионе как в экономике, так и в военной сфере существенно изменился.

Восточноазиатская дуга нестабильности представляет собой сложную систему блоков и противовесов, которая проходит через наиболее потенциально конфликтные зоны. Все причудливые изгибы этой дуги нестабильности обусловлены геостратегическими и геополитическими интересами основных субъектов глобальной и региональной политики, а также сложившимся балансом сил. Любое, даже на первый взгляд незначительное, изменение в конфигурации этой дуги нестабильности является вызовом сложившемуся порядку и следствием изменений в региональном балансе сил. С юго-востока эту дугу нестабильности подпирают военные базы США, расположенные на территории азиатских партнеров по безопасности. Эта система базируется на двухсторонних договорах о безопасности, что в условиях значительной зависимости азиатских партнеров от США и практически несопоставимого военного и экономического потенциала обеспечивает Вашингтону известную свободу действий в этом регионе. В настоящее время США уже приступили к развертыванию в АТР систем противоракетной обороны вдоль восточноазиатской дуги нестабильности по широкому фронту от Японии до Австралии. С северо-запада над этой дугой нависают Россия и Китай, которые координируют свою деятельность преимущественно в Центральной Азии, в рамках ШОС, проводя внешнюю политику без видимого взаимодействия друг с другом к юго-востоку от своих границ, вдоль восточноазиатской дуги нестабильности. Причем многосторонний формат сотрудничества во многом лишает организацию оперативности и ограничивает свободу действий.

Итак, восточноазиатская дуга нестабильности отражает исторически сложившиеся разграничительные линии или «буйки», переход за которые со стороны субъектов геополитических отношений рассматривается конкурентами как показание к немедленному оказанию противодействия, что может выражаться в ответных мерах информационного, дипломатического,

политического, экономического, финансового и/или военного воздействия⁷.

Восточноазиатская дуга нестабильности проходит с северо-востока на юго-запад через Курильские острова (по японской терминологии «северные территории»), разделенную Корею (КНДР и РК), разделенный Китай (КНР и КР), разделенный Вьетнам (до 1975 г. ДРВ и РВ, сейчас СРВ и островные территории в Южно-Китайском море). Тут перечислены только основные разделенные страны и территориальные споры, без упоминания более «мелких» потенциальных пограничных конфликтов Токио в Японском море с Республикой Корея (о-ва Такэсима) и в Восточно-Китайском море с КНР (о-ва Сенкаку), а также в Желтом море между Кореями по поводу Северной разделительной линии. Несмотря на завершение холодной войны, на южном флаге этой дуги произошло всего два значимых изменения: освобождение Южного Вьетнама и фактический переход Парасельских о-вов под контроль КНР.

В 1975 г. под эгидой Ханоя была объединена континентальная часть Вьетнама, однако архипелаги в Южно-Китайском море (ЮКМ) стали предметом территориальных споров. В 1974 г. северо-вьетнамская армия готовилась к решительному наступлению на Южный Вьетнам и сайгонские власти, собирая силы для сопротивления, при поддержке США эвакуировали свои гарнизоны с Парасельских островов, которые сразу же были захвачены войсками КНР⁸. Пекин в настоящее время пытается установить контроль также над островами Спратли, что вызывает протесты СРВ и других стран ЮВА (Филиппины, Малайзия, Бруней), которых в этом поддерживают США.

Сейчас в ВА разворачивается подготовка к очередному витку пересмотра регионального порядка. В начале XXI в. усиление экономических и политических позиций Китая и стремление США сохранить свое влияние в этом регионе оказывают мощное давление на регион в противоположных направлениях, что провоцирует невиданную в истории ВА гонку вооружений со всеми соответствующими последствиями.

В настоящее время геополитическая ситуация вдоль восточноазиатской дуги нестабильности стабильно нестабильна.

Представляется, что сложившийся status quo в целом пока устраивает всех вовлеченных игроков, однако они уже ведут активные приготовления к более активной фазе геополитической борьбы. Особого внимания заслуживает южный фланг восточноазиатской дуги нестабильности, а именно территориальные споры в ЮКМ, поскольку именно там происходит наиболее активная подготовка к пересмотру сложившегося геополитического расклада и установлению нового порядка в регионе. Пекин готовится к расширению своей сферы влияния, что, конечно же, заденет интересы геополитических конкурентов. Мирное перераспределение сфер влияния между державами происходит крайне редко⁹.

Геополитическая ситуация в ВА усугубляется еще тем, что в этом регионе евразийская «дуга нестабильности» пересекает южное «подбрюшье» Китая¹⁰. Внимательный анализ ситуации в регионах, особенно вокруг КНР, показывает, что вокруг Китая существует множество потенциальных горячих точек, которые могут быть активированы, как только Пекин начнет активно реформировать пространство вокруг своих границ, прежде всего, в южном направлении – наиболее перспективном и наименее защищенном. Однако в этом контексте весьма показательным, что самым спокойным рубежом КНР является граница с РФ.

Начало второго десятилетия XXI в. ознаменовалось новым витком активности участников Большой игры, что сопровождалось всплеском дестабилизирующих процессов вдоль восточноазиатской дуги нестабильности. Также активизировались находившиеся до сих пор в режиме ожидания территориальные споры в ВА, которые постепенно распространяются на страны ЮВА. На Дальнем Востоке восточный фланг евразийской дуги нестабильности пересекает южное «подбрюшье» Китая и распадается на два. Одно ответвление идет на север, вдоль «восточного стратегического фронта», по терминологии З. Бжезинского, а другое идет на юго-восток по ЮКМ вплоть до Восточного Тимора.

Эффективность любого регионального интеграционного проекта будет подорвана, если территорию его членов будет

пересекать дуга нестабильности. США традиционно поддерживают все инициативы по смещению восточноазиатской дуги нестабильности в северо-западном направлении по широкому «фронту» от Курильских о-вов до ЮКМ. Этим, кстати, объясняется возросший интерес к транспортным коридорам, трубопроводам, политическим и религиозным радикалам, сепаратистам, террористам, организованной преступности, этнорелигиозным сообществам и правам человека не только в ВА, но и в наиболее «проблемных регионах» Евразии.

Усиление внешнего (США) и внутреннего (КНР) прессинга на регион также активизирует находящиеся до сих пор в режиме ожидания территориальные споры и региональные конфликты, одновременно придавая им широкий международный резонанс, что чревато мощными дестабилизирующими последствиями для всего региона.

В регионах, через которые проходит восточноазиатская дуга нестабильности, США традиционно уделяют особое внимание как силовой, так и «мирной трансформации» местных политических режимов, чтобы обеспечить надежный «санитарный пояс» вокруг объекта сдерживания, поддерживая и поощряя враждебность малых стран в отношении своего геополитического конкурента. Таким образом, в повестке дня появляется новое направление – создание антикитайской коалиции из стран региона, к которым помимо традиционных союзников США пытаются привлечь и новых, например, Вьетнам. Однако в СРВ проводят свою гибкую сбалансированную политику, пытаясь лавировать между влиятельными центрами силы. В Ханое хорошо помнят не только американские бомбардировки 1960-х и 1970-х гг., но и дестабилизацию в Камбодже в 1975-1978 гг., которая продолжалась до 1990-х гг., нападение КНР на Вьетнам в 1979 г. и последующее дипломатическое и военное давление Пекина в ЮКМ. Именно поэтому СРВ проявляет все большую заинтересованность в возобновлении присутствия ВМФ РФ на базе в Камрани.

В настоящее время идет полномасштабная экспансия КНР в южном направлении, что вызывает все более ожесточенное соперничество держав за контроль над ресурсами ЮВА. Рост

экономики КНР, превращение Китая во вторую экономическую державу в мире, усиление региональной интеграции, которая может привести к появлению регионального блока КНР+АСЕАН, способны существенно усилить позиции КНР как в регионе, так и в мире. ЮВА уже подвергается интенсивной экономической трансформации со стороны КНР, активно развивается и военно-техническое сотрудничество. В недавно вышедшей монографии известного востоковеда Д.В. Мосякова, который давно и на высоком профессиональном уровне занимается изучением этой проблемы, подробно описан «универсальный механизм постепенного усиления позиций и установления контроля за определенными стратегически важными для Китая территориями и последовательной интеграции проживающих там людей в неумолимо расширяющийся “*раx cinica*”»¹¹.

Высокие темпы экономической интеграции, впечатляющий экономический рост КНР и усиление влияния этой страны на региональные процессы неизбежно будут трансформированы в политическое влияние, а в перспективе возможно и геополитическое переформатирование региона со всеми вытекающими отсюда последствиями.

У восточноазиатских интеграционных проектов помимо многообещающих перспектив есть и своя «ахиллесова пята», которая связана с недостаточной обеспеченностью энергетическими ресурсами. Рост энергоемких азиатских экономик вызвал увеличение спроса на нефть, которую регион в целом потребляет в гораздо больших объемах, чем они там имеются. Большая часть нефти ввозится через ЮКМ из становящегося все более нестабильным Ближнего Востока. В настоящее время только через Малаккский пролив в направлении ВА ввозится сырая нефть в объеме ок. 15 млн. баррелей нефти в сутки. Попытки КНР диверсифицировать поставки энергоносителей из других регионов идут с осложнениями.

Ситуация на Ближнем Востоке тесно связана с ВА, где уже сейчас разворачивается геополитическая борьба за региональное лидерство. Дело в том, что ВА в целом неттопотребитель углеводородов, а Ближний Восток – основной экс-

портер. Установив практически прямой контроль над экспортом основного ресурса на Ближнем Востоке, можно оказывать весьма чувствительное влияние на потребителей в ВА и таким образом «регулировать» уровень их экономического развития. Именно поэтому КНР вынуждена активизировать свою политику в Восточном и Южно-Китайском морях, где на континентальном шельфе по неподтвержденным прогнозам присутствуют значительные запасы углеводородов, которые так нужны бурно развивающейся китайской экономике. Именно поэтому, чем активнее Вашингтон действует на Ближнем Востоке, тем более энергично будет работать КНР в прибрежных морях вкупе с наращиванием присутствия своих ВМС с целью получить доступ к наиболее близко расположенным месторождениям углеводородов и обеспечить безопасность маршрутов транспортировки сырья. А это, в свою очередь, будет настораживать другие страны в регионе. Как отмечает известный российский китаевед А.Д. Воскресенский: «В условиях, когда Китай претендует практически на всю акваторию ЮКМ в качестве своих территориальных вод, вполне понятной становится стратегическая озабоченность Японии, 80% импортируемой нефти которой поставляется через ЮКМ»¹².

В настоящее время вопрос состоит не в том, будет ли развиваться региональная интеграция в ВА, а в том, под чьей эгидой она будет осуществляться. Именно за это идет жесткая и бескомпромиссная геополитическая борьба. Пока есть только один реально существующий проект подлинно евразийского континентального масштаба – евразийская дуга нестабильности. Активизация различных участков дуги нестабильности в том или ином регионе может рассматриваться как шаг на пути к торпедированию одних интеграционных проектов в целях реализации стратегии «перемалывания» ради поддержки альтернативных проектов другого субъекта геополитики.

В процессе расширения и углубления региональной интеграции далеко не все идет равномерно и прямолинейно в заданном направлении. Интеграция – явление иерархическое. Поэтому борьба идет за место ЛИДЕРА, который и будет вы-

страивать младших партнеров в ту комбинацию, которая ЕМУ в данный момент наиболее выгодна.

В создавшейся ситуации у малых стран региона выбор не в том, на чью сторону встать, кого выбрать в качестве локомотива региональной интеграции, чьи условия выглядят более привлекательно. Представляется, что страны АСЕАН, играя на противоречиях держав, имеют больше шансов пасть жертвой геополитических противоречий значительно более сильных, опытных и жестких партнеров, чем выторговать для себя более выгодные условия вхождения в тот или иной интеграционный формат. В контексте трендов последних десятилетий такой сценарий представляется наиболее вероятным.

Подводя итоги краткому обзору сложившейся ситуации в ВА вдоль восточноазиатской дуги нестабильности, следует отметить следующее. Фактическое изменение этого баланса сил в регионе вызывает усиление активности КНР в сферах экономики, политики и безопасности в отношении соседних стран. Причем основной ресурс, который будет реально влиять на результат взаимодействия в регионе – реальное соотношение сил, а не исторические и архивные материалы о территориальной принадлежности островов в прошлом или современные нормы «международного права». Мотивы и интересы великих держав во многом противоречат друг другу, и это вносит и будет вносить дальнейшее напряжение в политические и экономические процессы в регионе. Ведь та сторона, которая получит реальный контроль над регионом ЮКМ и, соответственно, над ЮВА, получит в свое распоряжение колоссальную ресурсную базу, используя которую она сможет еще больше усилить свой потенциал и влияние, чему, конечно же, будет оказываться самое серьезное скрытое и открытое противодействие¹³. Интеграция ВА под эгидой КНР явно не устраивает Вашингтон. Президент США Барак Обама подчеркнул в 2012 г., что «США усилят свое присутствие в АТР и сокращения бюджета не повлияют на расходы в этом критически важном регионе»¹⁴.

В настоящее время весь регион ВА превращается в своеобразное «поле битвы», прежде всего, между США и КНР, которые активизируют своих союзников и партнеров. Борьба ве-

дется с помощью легитимных и нелегитимных технологий, а также интриг, организации протестов оппозиции и давления неправительственных организаций по линии «прав человека» и «свободы вероисповедания».

Представляется, что в ВА уровень достигнутых за последнее время экономических отношений в регионе не соответствует характеру политических отношений, кризисным явлениям в мировой финансовой системе и элементам региональной безопасности, сохранившимся еще со времен холодной войны. Дальнейшая борьба за изменение конфигурации восточноазиатской дуги нестабильности еще впереди. В настоящее время наблюдается оживление на ее южном фланге.

² Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. М., 2012. С. 12

³ Титаренко М.Л. Указ. соч. С. 27-28

⁴ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostategic Imperatives, 1997. P. 40

⁵ Brzezinski Z. Op. cit. P. 40

⁶ Колотов В.Н. Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического и экономического развития

стран современной Азии и Африки / Отв. ред. В.Н.Колотов. СПб., 2011. С. 298-299

⁷ Kolotov V. Russia's Views of the Security Situation in East Asia // Brookings Northeast Asia Commentary. 2012. Number 61 - <http://www.brookings.edu/research/opinions/2012/09/17-russia-east-asia-kolotov>

⁸ Канаев Е.А. Вооруженный конфликт из-за Парасельских островов (1974 г.) // Обозреватель №7 (186) 2005 - http://www.rau.su/observer/N7_2005/7_14.HTM

⁹ 1) Колотов В.Н. Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности//Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки.СПб.,2012,с. 58-76

2) Колотов В.Н. Вьетнам между США и КНР: историко-политологический анализ современной геополитической ситуации в регионе // Основные тенденции политического и экономического развития стран современной Азии и Африки / Отв. ред. В.Н. Колотов. СПб., 2011

¹⁰ Колотов В.Н. Этнорелигиозные сообщества во Вьетнаме в контексте системы региональной безопасности: история и современность // Проблемы современной Азии: история, конфликты, геополитика / Отв. ред. В.Н. Колотов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009

¹¹ Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М., Институт Востоковедения РАН, 2012. С. 147

¹² Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. М., 2004. С. 27-28

¹³ Kolotov V. Main Trends of Russia's Foreign Policy in Transforming East and Southeast Asia // Brookings Northeast Asia Commentary. 2008. Number 18 - http://www.brookings.edu/opinions/2008/04_asia_kolotov.aspx

¹⁴ Remarks by the President on the Defense Strategic Review - <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/01/05/remarks-president-defense-strategic-review>